

Победа как нечто большее

По традиции летом в Коми подведены итоги главного литературного конкурса республики.

Фото: Елена Ракина

Всего в конкурсе участвовало 21 издание, вышедшее в 2024 году. Лучшей книгой на русском языке (из 10 номинированных) стала книга Григория Спичака «Глоток воды, вина и крови» по итогам поездки по освобожденным районам Новороссии в феврале 2023 года.

Героя романа и автора интересуют не столько накал боев и правда отчетов Министерства обороны, не столько истории беженцев и настроения населения на освобожденных территориях, сколько совсем невидимые и почти не измеряемые явления – вера, любовь, терпение, дружба, память... А главный вопрос Григория Ивановича – из какого материала будет возрождаться этот край и страна в целом?

Поздравляем его с победой, желаем новых творческих открытий и на стр. 2-4 публикуем отрывки из романа...

Начало февраля 2023-го. Новороссия.

Отрывки из романа Григория Спичака «Глоток воды, вина и крови»

...Не получался разговор с племянником (участником АТО – прим). Так же, наверное, и триста лет назад. Так же, наверное, и шестьсот лет назад мог не получаться разговор между близкой родней. Не нужна человеку реальность ни о себе, ни о причинах здесь и сейчас. И уж тем более не нужна правда об истории.

Достаточно байки, достаточно чего-то эмоционально красивого, образного, такого, что обьясняло бы «не мы такие – жизнь такая». Причем с длинным лагом – «истарил так было», «так нам предки завещали», «кровь проливали» и т. п.

Если нет реальности в восприятии себя, тогда не нужна и реальность о том, что тебя породило, что по-настоящему ценно и близко. Тогда и Бог зачем? Лишь бы был «красивый Бог», какой-нибудь придуманный, достаточный, чтоб водичку освятить и повод иметь для праздничного застолья. Спутаны все системы координат.

Где родственники? Сейчас, в разговоре с Аркадием, было понятно, что остался пепел памяти. Не осталось ничего.

Аркаша не знал половины тех, о ком спрашивал Гаврилов, а о многих отвечал только: «Та... лет пять или семь назад на рыбном рынке пересеклись. Говорит, что дети в Польшу (вариант – в Москву, в Чехию, в Литву) уехали... Нема уже тут никого. Все предатели – жлобы. Поуезжали...».

Говорить-то дальше о чём? Как-то вдруг – ррраз и иссякла тема. Быстро. Два стакана – один скандал – беседа закончена.

Борцецкого понесло на тему войны – о том, как он «под обстрелами ваших» таскал аптечки своим бойцам, которые оставались в разбитой и обстреливаемом складе на какой-то «линии фронта» в его сознании. Рассказа-

звал, как подорвался на mine его дружок из Токмака, без ноги остался. О том, что встречаются они тут (дальше шёл перечень терминов бригад – подразделений – кто где «воевал»). Сам не заметил, как перешёл на темы уголовных авторитетов – кто и где сидел, про 77 «зону» Бердянска как самую крутую и «авторитетную» – весь набор, о котором предупредили Гаврилова контрразведчики, забравшие его со Слободки. Надо же – характеристика – точнее не бывает.

– Ну, ладно, Аркадий, я понял. Я пойду... – хотел по-родственному спокойной и, видимо, уже навсегда попрощаться Гаврилов. Но Аркаша пыжился, что-то величаво и напыщенно хотел сконструировать в своей голове. Чуть ли не проклятие «с заветом и пророчеством». Получалось хреново. Даже матом хреново. Оно и понятно – смешнее юмора бывает только тупая патетика.

– Да подожди ты, – орал Аркаша уже почти в дверях. – Я тебе говорю: пацаны тут такие, какие тебе в жизни не встретятся. Цвет нации!

Этот пьяный «мозг» остановить было невозможно. Криком – тем более. Матом тоже. Поэтому Гаврилов сказал свистящим шёпотом, взяв племянника за ворот: «Как голым пузом на колючей проволоке лежать, я тебе сам расскажу. А как с ножа одеколон пить – ты за всю жизнь не научишься! Давай, племянничек – помни, что дядька приезжал. И помни откуда – с Русского Севера... Про «зону» он мне будет рассказывать...».

Аркаша еренился, конечно. Тут же стал давать оценки про «стадо», которое «в «вагнера» загнались». Спорить с человеком, который цеплялся изо всех сил за свою собственную роль эдакого «последнего казака в роду»,

Февраль 2023. Встречай, Новороссия!

было делом бессмысленным. Наверное, проиграй он спор, просто умрёт. От того, что будет раздавлен вакуумом в своей душе...

...Калитка, врезанная в ворота, скрипнула тяжело. Лязгнула жестко. Как будто закрыла последний проход в какое-то общее родовое прошлое.

«Что я должен буду сказать о кладбищах Мариуполя? Что прочтет читатель? – думал Гаврилов, когда они заехали уже на третье. – Везде одно и то же... А должно быть иначе? Кресты, холмики, венки и портреты. И да – ещё живые хмурые люди, не только стоящие у конкретных могил, но и прогуливающиеся по длинным рядам».

Ровным гундежом работники

Нет. Это вы забыли. И вы потеряли...

Он обернулся. «Может, всё-таки были те, кто крестились? Просто внимания не обратил? Не может же быть...». И не вспомнил ни одного.

Уже телеграмм-каналы были полны сообщениями из Бахмута. Начинался штурм. ЧВК «Вагнер» и чеченский «Ахмат» ещё бравировали зазорными видео – в которых «хохол, сдавайся!» звучало так, как будто взятие здания за зданием только вопрос времени. Ремонтировался подорванный в октябре на день рождения Президента Крымский мост. В Бердянке очередной подрыв машины. На Запорожской Атомной станции шлются посланцы из МАГАТЭ, которые всё пытаются изучить наличие наших войск. Периодически появляются сообщения о плохом снабжении групп мобилизованных. Украина говорит, что весной будет контр-наступ. Российские телеграм-меры удивляются – почему мы ждем? Надо заранее наступать. А силённость, видимо, нет. Даже активность и эффективность дронов пока по-настоящему не оценена. Они дадут о себе знать в полной красе вот-вот...

Кратко Пётр обзвонил своих с сообщением, что завтра выезжает на Донецк. Не столько звонил, сколько написал сообщения. «Рассказать про Мариуполь в сообщениях всё равно невозможно. Ходить и фотографировать никто не запрещает, но погода такая, что радости заниматься фоторепортажами нет. Приеду – расскажу».

Вечером о такси до Донецка Гаврилов договаривался по телефону с кем-то молодым и изрядно выпившим, других не было. Утром машину подарили: аккуратенькую «Шкоду» лимонного цвета – эдакого цыплёнка на фоне горелого города. Да ещё и солнечно было с утра. Так уж получилось, что выехал Гаврилов в солнечный Мариуполь и выехал из солнечного, а два дня в нём пролежал в сумрачном, метельном, горелом, похоронном, молчаливом...

За рулем «Шкоды» был очень сильно дед... Вот не пожилый, а «сильно дед» – дедушка-гном. С громадными глазами, как у Фродо – хоббита из фильма «Властелин Колец».

Поехали...
13 февраля 2023 года было как-то особенно беспокойно. Уже и по радио, и в телеграмм-каналах звучали новости, что прилетело по Волновухе, что Донецк обстреливают боль-

ше обычного, что резкое обострение ситуации.

Трасса была забита машинами. Ехали не быстро. Подборка музыки в машине была – вынос мозга: полное собрание песенок для семьи, в которой был репертуар и для шестидесятилетних, и для сорокалетних, и для детей в возрасте почти дошкольном. Никогда не угадаешь, какая песенка будет следующей – то ли рэп, то ли Иосиф Кобзон с «Не думай о секундах с высока...». Машины на трассе были тоже, от «Мы пол Европы по-пластунски пропыхали» до «Неси меня олень в мою страну оленью...» – крытые фургоны, БМПУхи и автобусы с глухо занавешенными окнами и однообразные, как «зубы дракона», бетонные тетраэдры вдоль дороги. Впрочем, и пассажирские автобусы тоже были. Ехали «Ниссаны» и «Шкоды», «Жигули» с проржавевшими насквозь крыльями и «Тойоты», кунги и фургоны с хлопающим брезентом. Блок-посты каждые пять километров, наверное, но останавливают выборочно. Деда-гнома и седобородого деда пропускали как-то легко. Хоббит даже стал косо поглядывать на пассажира.

«Что-то легко нас сегодня пропустят...». Он вообще изначально как-то с подозрением смотрел на Гаврилова. Потом, уже в Донецке, когда Гаврилов рассчитывался со стариком, стало очевидно, что дед просто напросто боялся, что его обманут – кинут с оплатой. Он был очень рад, что Пётр Павлович не обманул, да ещё и не восемь восемьсот дал, а девять тысяч рублей, не ожидая сдачи.

Но это будет потом, а пока они тряслись по разбитой трассе.

«Для меня нет тебя-а-а прекрасней, но (что-то там) на-правасно...» – скулил проигрыватель, вытаскивая из памяти файлы какого-то параллельного мира школьных танцев где-то в 1975-м...

За Волновахой начиналась условная «серая зона» – территория, которая могла простреливаться. Впрочем, утром уже прилетело, так что не «могла», а уже – «нате».

За Волновахой проехали чуть более пяти километров и встали. Пробка. Что-то произошло на трассе. Это было понятно по поведению машин – их пытались вывести на обочины, развернуться, кто-то кучковался, махал руками – видимо, друг другу объясняли, как можно вырваться из этого плена. Военные ходили вдоль бесконечной це-почки машин и раздавали какие-то свои указания.

На вопросы Гаврилова дед-водитель отвечал как-то невпопад и лихо съехал по бровке на грунтовую еле заметную дорожку, уходящую в заросли высокой сухой травы. Не про-

сто лиху, но ещё и дал по газам. Через две минуты Гаврилов был уже абсолютно уверен, что военные сзади гонятся за ними, потому что один за одним мелькнули столбики «Осторожно – мины!».

– Эй, ты видишь? – теперь уже сквозь музыку и песенку «Бухгалтер, милый мой бухгалтер!» Гаврилов орал деду – сейчас подорвемся!...

– Не-не... Я сейчас, – и дед вправду круто вильнул вправо, будто возвращаясь назад, но нет – он выскочил ещё на какую-то такую же занюханную дорожку. Здесь объявления про мины не встречались, но зато они выскочили в пространство между двумя высокими насыпями, а за ними выглядывал танк. Наш танк. «Здратье» – говорила его башня набекрень, как у подгулявшего дембеля.

Впереди, метрах в трехстах, в поле разом взвился клуб дыма. Сначала черно-серенький, потом зачернил-зачернил, а потом и вовсе пошел цветной черепосицей – черно-желто-зеленый. Дедулька-водитель машину кинул вправо, ближе к трассе. Ну ещё бы... С какого-то угла дороги стало видно, что горит легковушка-пикап. Подорвалась. Небось, что-то на борту было пластмассовое, может бытовая техника, может бытовая химия. Цвет дыма был больно уж интересен.

Как из-под земли, посреди этой дороги-грунтовки выскочили росгвардейцы. Если бы не седая борода пассажира и не глаза хоббита-водителя, заломали бы двум хулиганам руки, вломили бы пилюлей. Но, тут просто вежливо, почти без мата,

сказали, чтоб «валите быстренько – во-он туда, а там по краю проедете...».

По краю проехать уже было невозможно. Тем более – проехать быстренько. На трассе стояли сильно помятые армейский УАЗик и, кажется, «ниссан» с большим крутым корпусом. Вокруг машин было четверо или пятеро окровавленных парней. Именно – парней. Как на подбор – рослых, лысых, спортивных и... бесцветных. Будто пеплом посыпаны. Нет – не снаряд прилетел, это была типичная жесткая авария. Тяжелая. И ребята были тяжелые – один лежал, двое, залитые кровью, сидели спинами к колесам, ещё двое или трое ободранные ходили рядом и что-то объясняли военной полиции и мужчинам из других машин. Парни в военной форме пострадали больше, чем гражданские. Но коротко стриженные были все – и те, что лежали-сидели, и те, что ходили. Возможно, тут военными были вообще все.

Плестись ровно так же медленно по грунтовке, конечно, не хотелось. Тем более и водителю, и Гаврилов ахнули, когда увидели, что позади, согнанные с минных полей, ехали штук двадцать других машин, тоже наплевавших на безопасность и пытавшихся обогнуть затор минными полями. Дед снова газанул. И снова ушёл в поля. Правда тут таблички «Мины!» хоть и были, но зато сильно ограничивали движение бетонные тетраэдры «зубы дракона».

Окончание на стр. 4

ОТЗЫВ НА КНИГУ Г.И. СПИЧАКА «ГЛОТОК ВОДЫ, ВИНА И КРОВИ»

Главный герой романа – писатель Гаврилов (очевидное альтер-эго автора) путешествует по новоприсоединённым территориям. Цель персонажа – познакомиться с людьми, живущими там, познать самый нерв жизни этого русского фронта. Гаврилов увлекает за собой читателя, превращая свой путь и в путь читателя тоже. На этой дороге ему встретится множество людей, искренних, хитроватых, запутавшихся, где-то просто выживающих, а где-то ищущих высокий смысл происходящего.

Роман задуман и выполнен многопланово. Герой вдохновляется в чём-то примером, в чём-то зовом Сергея Радонежского, который некогда тоже погрязнул в глухомань человеческих душ, пробуждая в них свет. Этот пласт «веры» (не хочется писать «религии») составляет важнейшую часть повествования, задавая систему координат в пространстве и времени для современных событий.

И сам Сергей из агнографического и хрестоматийно-исторического образа становится живым, своим, русским. Автор с помощью простых вопросов (кто были предки святого? Житие не смотрит дальше родителей) и размышлений о его земной жизни (каково это работать часами ради горсти гнилого хлеба? Каково это для человека той эпохи?). И этот живой Сергей посредством пяти иконок, что везёт с собой писатель Гаврилов и по движению души раздаёт повстречавшимся на пути, входит в ткань повествования. Превращает поездку писателя в своеобразное паломничество.

Гаврилов, выезжая из Крыма, посещает Бердянск, разрушенный Мариуполь, воюющие с 2014 года Донецк и Луганск. Автор перемежает свой рассказ любопытными историческими реминисценциями. Города из точек на политической карте превращаются в особые пространства, расширяясь вширь и вглубь. Читая, начинаешь понимать, насколько велика и сложна Россия. И каждый город оказывается средоточием разных людских судеб (один Мариуполь чего только стоит).

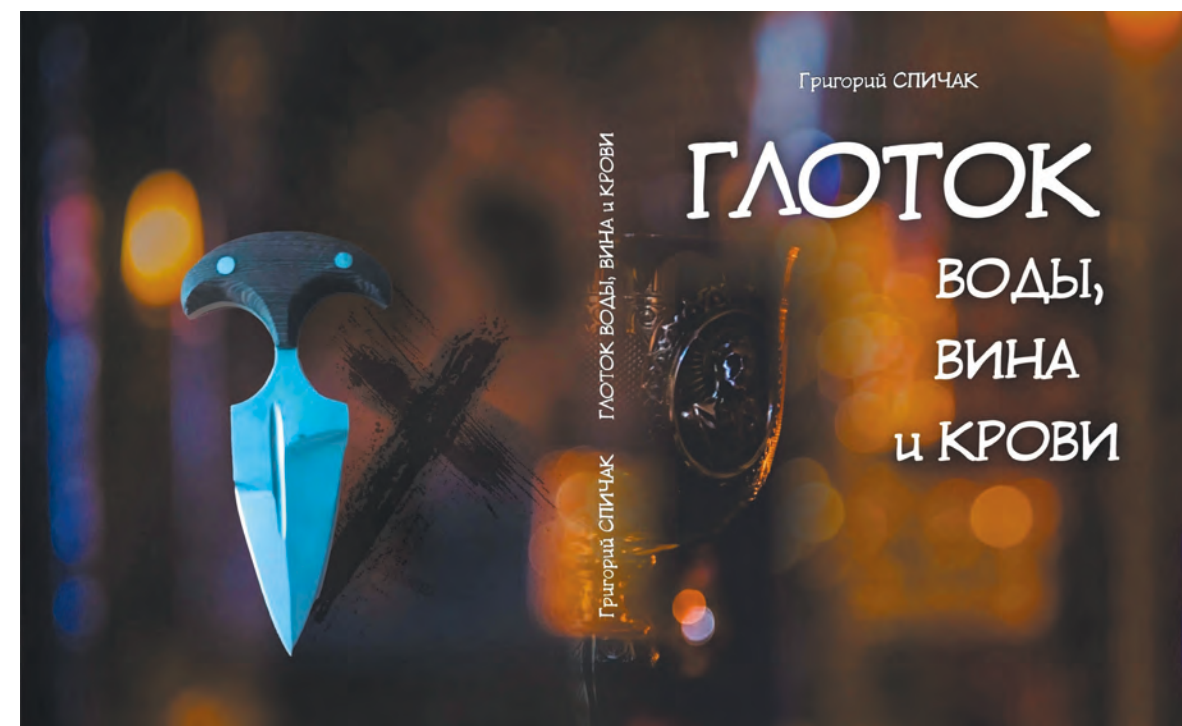
Где-то на этом пути Гаврилов позабыл и первоначальную задумку написать текст «на заказ». Роман пишется самой кровью души и водою слёз, которые плохо соотносятся с чисто коммерческой историей.

Роман не оставляет в стороне сложнейшие вопросы российской истории – о Государстве и Церкви, о Народе и Человеке. В книге нешаблонно и живо события и люди Крыма и Новороссии вливаются в более широкий контекст истории России. Будто одновременно и одинаково значимо происходит и татарские шибки времён Дмитрия Донского, и трагедия казачества екатерининских времён и культурная жизнь Новороссии сейчас.

Последствия современной войны для человеческих душ и общества показаны глубоко и кратко. В полной мере читателю (да и одному автору, пожалуй) всё это не вместить и не выразить. Поэтому достаточно «глотка»...

Эта книга очень важна для художественного осмысления эпохальных событий, чьими свидетелями (кто близким, кто дальним) являемся мы. Возможно, после прочтения она оставит больше вопросов чем ответов, но в умении правильно, эмоционально глубоко поставить вопрос и есть мастерство писателя.

Максим Лыков
кандидат педагогических наук, писатель

Начало февраля 2023-го. Новороссия.

Отрывки из романа Григория Спичака «Глоток воды, вина и крови»

Окончание. Начало на стр. 2

Ехали опять недолго. Где-то впереди, примерно в семи-восьми километрах виднелся крупный населенный пункт. Когда проехали ещё километра два, когда приблизились дома окраин и стали видны какие-то производственно-технические здания, Гаврилов задал вопрос дедуле: «Это не Донецк ли уже?». Да-да... Дед кивал радостно. И вот среди этих домов прямо по ходу машины из-за садов и мелких строений стал подниматься гриб взрыва. Чёрный. Смачный, как клекса в синем небе. Потом слева грязный взрыв – рыже-серый, потом левее ещё один, и ещё.

– Дед, так мы сейчас влетим прямо под обстрел! – засипел от напряжения Гаврилов, пытаясь перекричать очередную песню теперь то ли АББА, то ли Бони М. Он показал в окно на оседающую землю и дым прямо по курсу движения автомобиля.

Да-да... Дед так же радостно кивал. И тут до Петра Павловича дошло – дед просто глухой! Зашибись... То есть дед, может, и не слышал вообще, что ему говорили росгвардейцы. Может, он не слышал и песни в своей машине, может, и ни одного слова Гаврилова... Дед, а может ты ещё и придурок?

Взрывы впереди были не опасны для автомобиля, но они были всё-таки уже в близкой видимости. Это уже была война, наблюдаемая не на экране, а вот – через лобовое стекло. Кто сказал, что следующая серия взрывов будет уже не по самому лобовому стеклу брызгами смертельных осколков?

Не в этот раз... Хоббит вернулся машину на трассу. По трассе они уже через полчаса или минут через сорок были на улице Артёма в центре Донецка. Но грохотало и здесь. Гулко ухнуло где-то в глубине улицы, жажало ПВО – в небесах разрывы тоже были в децибелах, мешающих простому разговору.

Год 1709. Октябрь.

- Зи-йа-а! Видь-видь-виды!!! - пронзительный, неузнаваемый голос атамана вскинул в седла две сотни казаков. Загудела земля. Томное вечернее солнце стало грозным от пыли, - Зи-йа-а!

И пошёл, пошёл страшный танец оголтелых. Полетели на землю кафтаны и рубахи, власные торбы и шапки. Чубатое дикое полуголое племя закружило в адском круге нескольких

сотен лошадей, где с седланными бежали и безседельные, где жеребята выбивались во внешний край круга, а кто не успел, тот дробился копытами гикающей и сотрясающей небеса и землю силы, уходящей в раж, в спас, в измененное состояние сознания, когда мгновения растягиваются, как кобылы жилы, а века лопаются, как горемычная неудачная жизнь под плетью судьбы.

У Каменной Затоки зажатые преследуемыми русским ингерманландским полком запорожцы, присягнувшие Мазепе, и уже услышавшие в крови горечь проклятия, закружили последний боевой ритуальный танец. Чтобы прямо из него ринуться в атаку, сверкая чёрными очами, турецкими трофейными саблями и последним знаменем под пыльным бунчуком.

Уже бежали Карл и Мазепа, уже повернулись казаки всей основной ратью и повинились пред царем Петром Алексеевичем, но больше двух тысяч рассыпалось ватагами по степи и возвращались не прямо до дому, а разоряя от Днестра до Днепра турецкие и еврейские селища, угоняя табуны и отары. Угоняли, но не перепродать! За плечами висела армия Петра, которая не ушла домой на зимние квартиры, а от Конотопа до Бельска (Старобельском он станет позже) насыпала заставы и городища. Иногда прямо в степи. И, конечно, брала под охрану старый Затон и Самарские городки (к нынешней Самаре, конечно, никакого отношения не имеющие – «самара» на языке многих тюркских народов, подаривших слово славянам – просто «излучина», «крутой поворот», иногда просто крутой берег).

Пехотный полк, опытный по боям со шведами, успел дать три залпа – с колена, верхний и с передачей задней заряжающей фаланги. Залпы снесли почти треть казаков. Но ни лошади, ни лава вообще не испугались ни грохота, ни дыма – бывало и похуже. Лава влетела на штыки, кромсая пехоту.... Даже если бы до штыков долетели в атаке всего двадцать казаков, а не полторы сотни – прогноз дать за исход битвы никто бы не решился. Фифти-фифти. Пол – на пол. И летели наземь головы петровских солдат, расколотые булавами и саблями. Но и ещё с десяток – второй казаков напоролась на штыки. Проскочили на второй круг, но.... Русский драгун

Рисунки: Маргарита Беллюччи

откуда ни возьмись – простой, не крикливый, как гусарское племя. Русский драгун – сотня драгунской конницы вылетела из засады и шла ровным фронтальным строем на рассыпавшуюся серпом казачью конницу.

Сошлись в звяке, брызгах и криках...

И вот уходит, уходит остаток выживших в бою казаков – сколько их исчезает в степи, бежит от недолгой погони? В бой вошло почти двести. Выскочило с тридцать...не более. Пленные и раненные остались хрипеть под копытами драгун и под прикладами пехоты полковника с седыми бровями.

Уходили от погони недолго. Да и почти не было той пого-

ни. Зато не успели отдышаться – на тебе! Свои казаки выскочили из неведомой балки – только это казаки из тех, кто под Петром, кто закон и слово пытался в Диком поле правдой строить. И опять остатки ушли в галоп – на запад, на запад. Загоняли коней. Оставляли босых и голых (оголтелые же) братьев. Так добивал предателя Казачий Круг и Петровская государева сила.

...А потом разбитые какие-нибудь Васко да Грицко сожрут своих раненых коней под стенами Овидиополя, своруют свежих и, если не догонит пуля турецкого левенды тюфекчи – наемного местного охранника границы, выберутся к Днепру будущей весной. Скажут, что

сбежали из плена и наймутся чабанами к зажиточным казакам за право пить молоко кобылиц и забрать шкуры больных или драных волками, раненых овец.

Живет такой казак (а их тысячи) даже не в землянке. Землянка – это уже следующая, не нищая ступень. Нищая – это бордюг. Это когда спят в шкурах лошади (спальный мешок такой), или в яме на склоне балки, где от ветра и снегов защищает его костер и его ложе только шкура бычка или пара завес из овечьих шкур.

По переписям начала восемнадцатого века и появится эта кличка, ставшая потом распространённой фамилией чабанов без жилья – Бордюг.